

ПРОЛОГ

Прошлое

Я помню, как увидела его впервые. Он не замечал меня, но мне самой так больше нравилось. Так я могла без стеснения смотреть на него во все глаза, замороженная чертами его лица, движениями и тем, что он никогда не улыбался.

Почему он не улыбался?

Тогда мы были гораздо младше. Невинны? Сомневаюсь, что кого-то из нас вообще можно было описать этим словом. Мы повидали и совершили слишком многое, а к тому времени, когда встретились снова, зашли слишком далеко, чтобы прекратить. Остановить самих себя.

И тьму.

Я сопровождала родителей на вечеринку на Манхэттене. Мама не хотела брать меня с собой, но Джонас, мой отчим, настоял.

«Пусть посмотрит, как на самом деле живут настоящие богатеи», — сказал он со смешком.

Мама нахмурилась. Ей нравится думать, будто она одна из этих толстосумов, тогда как Джонас утверждает, что он всего лишь на них работает.

Мы вошли в расположенное в Верхнем Ист-Сайде здание с дружелюбными швейцарами и расставленными повсюду суровыми охранниками. Вестибюль был выполнен из стекла и мрамора. Гладкий и сверкающий. Наверное, я походила на деревенщину, пока шла, запрокинув голову, и рассматривала высокий потолок, ослепленная мерцающими огнями.

— Идем, — раздраженно позвала мама, так крепко сжав пальцами мое предплечье, что ущипнула кожу.

Подъем на лифте прошел гладко. Быстро. Мы поднялись в пентхаус, а как только двери открылись, возникло чувство, будто попали в другой мир. Нас никто не встретил у порога. Собственно, в самой квартире тоже никого не наблюдалось.

Все вокруг было белым: мебель, стены. Единственными яркими пятнами служили развешанные повсюду огромные картины. В основном абстракции. Я остановилась перед одной из них и склонила голову набок, пытаясь понять, что же на ней изображено. Мама чуть ли не силой оттащила меня прочь, бормоча себе под нос о том, что нельзя выставлять такие вульгарные произведения искусства на виду у детей, а Джонас только рассмеялся и спросил, что за ребенок смог бы понять, что это такое.

Тогда-то меня и осенило: на картине была крупным планом изображена вагина.

Я слышала доносившиеся откуда-то звуки. Чем дальше в квартиру мы проходили, тем громче они становились, пока перед нами не показалась состоящая сплошь из окон стена, перед которой небольшими группами толпились люди. Болтали, болтали, болтали. Выпивали, выпивали, выпивали.

Я была поражена. Ошарашена. Вот ради чего я жила. Мамин брак с Джонасом Уэзерстоуном изменил нашу жизнь. Джонас много зарабатывал. Очень много. Мама работала в риелторской компании Джонаса, и они полюбили друг друга. Ради нее он ушел от жены. Бракоразводный процесс был трудным, но, в конце концов, они с мамой поженились. Мне нравилось жить с Джонасом. Он хорошо ко мне относился. А еще у нас была большая квартира, хоть и не такая, как эта.

Таких пентхаусов я еще никогда не видела.

Как только мы вышли на террасу, перед нами появились очертания небоскребов. Казалось, они так близко, что можно достать рукой. Огни города свер-

кали и мерцали, но я почти не замечала их, украдкой отпивая шампанское из оставленных гостями бокалов и наслаждаясь шипучим напитком, от которого щекотало в горле и возникало странное чувство. Я наслаждалась этим чувством. Оно затуманивало разум и помогало забыть обо всех моих проблемах. Например, о родителях. О сводном брате.

Обо всем.

Он заметил, как я украдкой таскаю чужие напитки, и тихо подошел. Я поставила бокал, делая вид, будто смотрю куда-то в другую сторону. Мы были единственными детьми на этой вечеринке. Мне исполнилось четырнадцать. Предполагаю, что ему примерно столько же.

Началось лето перед старшей школой, и я чувствовала себя совсем взрослой. У меня выросла грудь, причем больше, чем у подруг. А еще я узнала: если, лежа в постели, прикасаться к себе в определенном месте, возникают умопомрачительные ощущения, и я старалась испытывать их как можно чаще. Йейтс постоянно стремился остаться со мной наедине, пока наши родители были на работе. Однажды он сунул руку мне в штаны и попытался там потрогать, но я оттолкнула его.

Он отвратителен. Он же мой брат.

Сводный, но все же.

Но, несмотря на отвращение, настойчивые приставания Йейтса заставили меня почувствовать себя желанной. А понимание, что тебя кто-то хочет, дает силу. Сидя на этой вечеринке в черном платье без бретелей и потягивая шампанское, я почувствовала себя старше. А внимание этого мальчика, такого красивого, такого пылкого, разожгло во мне любопытство.

Кто он? Чего хочет от меня?

— Давай возьмем и тебе? — спрашивает парень, указывая на оставленные на ближайшем столе бокалы. Я опустошила их все.

Подняв взгляд, я вижу, что он наблюдает за мной. На нем черные брюки и белая рубашка, рукава ко-

торой закатаны до локтей и обнажают предплечья. У него золотисто-коричневые волосы, почти светло-каштановые, а еще потрясающе красивое лицо. Надменное.

Безупречное.

Я поднимаюсь и встаю перед ним, наслаждаясь одобрением, вспыхнувшим в его светло-голубых глазах.

— Да, пожалуйста.

Я иду за ним к бару. Он что-то говорит бармену и сует ему пятидесятидолларовую купюру, а я стою рядом под впечатлением от этого поступка. Парень передает мне бокал, берет себе банку пива и засовывает в передний карман брюк.

— Ты не любишь шампанское? — спрашиваю я, озираясь вокруг и крепко сжимая в руке ножку бокала. На нас никто не обращает внимания, и я делаю глоток.

Вкусно.

— Нет, — отвечает он. — А еще от дешевой выпивки у меня болит голова.

Я не понимаю разницы, поэтому верю ему на слово.

К тому же я довольствуюсь всем, чем могу, поэтому точно не стану отказываться от бесплатного, да еще и полного бокала игристого.

Я иду за парнем вглубь квартиры, и от царящей вокруг тишины по телу пробегает дрожь. А может, все дело в кондиционерах, которые работают на полную мощность, я не знаю. Мы проходим дальше в дом, пока не оказываемся в темном коридоре возле закрытых дверей спален.

— Мой отец в одной из этих комнат трахает твою мать, — небрежно бросает он, как раз когда я делаю глоток.

Я чуть не выплевываю все шампанское ему в лицо. Смотрю на него, разинув рот и хлопая глазами.

— Что ты сказал?

Выражение его лица ничуть не меняется.

— Ты меня слышала.

— Моя мама замужем.

— А мой отец женат. Можно подумать, это что-то меняет. — Он пожимает плечами и достает банку пива из кармана. Открывает ее и, отхлебнув пену, делает щедрый глоток.

— Она бы не стала этого делать. — Когда парень ничего не отвечает, я чувствую, что нужно пояснить: — Трахаться с твоим отцом.

Я ощущаю себя особенно взрослой оттого, что говорю парню это слово, попивая шампанское. Делаю еще один глоток и позволяю пузырькам задержаться на языке.

— Но вот трахается. Твоя мать шлюха. — Он допивает пиво, сминает банку в руке и с громким стуком бросает на пол.

Я тотчас прихожу в ярость. Мы с мамой не всегда ладим, но он ведь ее даже не знает.

— Нельзя так говорить.

— Да ну? Ну а я сказал. — Парень склоняет голову набок и прищуривается. В его глазах так много злости. А он так молод. Я тоже иногда злюсь, но вовсе не так сильно. — Ты тоже шлюха? Как твоя мать?

— Пошел ты! — рявкаю я и выплескиваю шампанское ему в лицо.

Он морщится и медленно вытирает его ладонью. А я стою, тяжело дыша, и знаю, что должна уйти, но слишком заморожена происходящим.

Заморожена им.

Кажется, будто все это происходит не со мной. Я никогда в жизни не делала ничего подобного. Кто я? Когда стала такой храброй? Или глупой?

— Ты стерва, — цедит он. — Как и твоя мать.

— А ты мудака, — отвечаю я, собираясь развернуться и уйти, но он хватается за меня.

Останавливает.

Впивается пальцами в кожу, крепко сжимая мое предплечье, а я пытаюсь вырваться, сбежать от него.

— Пусти меня.

— Нет. — Он ухмыляется, и у меня в голове вдруг проносится мысль, что он дьявол, скрывающийся за ангельским детским лицом.

Парень толкает меня к стене, и я припадаю к ней, словно тряпичная кукла, едва не оседая на пол. Он успевает схватить меня, пока не упала, и, рывком подняв на ноги, прижимается ко мне всем телом. Он намного выше, в нем по меньшей мере метр восемьдесят роста. Но он подтянутый. Даже худощавый. Йейтс крупнее. Мясистее. Хотя он старше — ему шестнадцать.

А этот парень именно такой.

Все еще мальчишка.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, вырываясь, но оттого лишь больше ощущаю его, и меня это интригует. Он всюду твердый. Крепкий. Сильнее, чем кажется.

— Думаю, тебе это нравится. — Усмешка не сходит с его губ, а когда он прижимается ко мне нижней частью тела, я чувствую кое-что еще.

У него стояк.

Я замираю, не в силах пошевелиться.

— Твоя мама дважды в неделю, если не чаще, отсасывает моему отцу, — шепчет он. — Приходит к нему в офис. Они называют это обеденным перерывом.

Я смотрю на него, разинув рот. Понятия не имею, о чем он. То есть понимаю, что он имеет в виду, но не может быть, чтобы мама так делала.

Не может быть.

— У тебя губы как раз для минета, — замечает он, и я едва не расцветаю от его комплимента, но потом твержу себе, что я больная и ненормальная, а он тем самым хотел меня оскорбить.

— Заткнись, — бурчу я, и он улыбается.

— Хочешь мне отсосать?

— Да ни за что. — Я задираю подбородок, изображая надменную принцессу.

Каково было бы сосать член? Девчонки так делают. Постоянно. Однажды я нашла журнал в комнате

Йейтса и утащила к себе. В нем были фотографии голых девушек. Парочек, заснятых в процессе. Его член в ее вагине. Его губы возле ее соска. Его член у нее во рту, а она смотрит на него снизу вверх наивным взглядом, сунув пальцы себе между ног.

Я думаю об этом, и внутри разливается пьянящее тепло, приносящее слабость.

А может, виной тому шампанское.

— А вдруг тебе понравится, — говорит парень с намеком на улыбку. У него идеально ровные зубы. Готова поспорить, что он очень красив, когда улыбается по-настоящему.

Хотя я почти уверена, что улыбается он редко.

— Не понравится, — уверенно отвечаю я.

— Ты когда-нибудь это делала?

Я яростно мотаю головой.

— Давай я буду у тебя первым.

— Нет. — Я толкаю его в плечи, но он не сдвигается с места.

— Да брось. Твоя мать — шлюха моего отца. А ты могла бы стать моей. — Парень кивает в сторону закрытых дверей в темном коридоре. — Как я уже сказал, они сейчас в одной из комнат. Готов поспорить, твоя мать стоит перед ним на коленях, — насмехается он. — Спорим, она глотает всю его сперму до последней капли. Ты могла бы сделать то же самое для меня.

— Иди ты к черту. — Его слова наполняют меня яростью, но в то же время немного волнуют. Я никогда не думала о сперме и о том, чтобы глотать ее, как и о члене у меня во рту, во время разговора с парнем. Еще никто и никогда так со мной не говорил.

Никто.

Он смеется.

— Сама туда катись. У тебя сумасшедшая семейка.

— Хм, а я думаю, что у тебя, — отвечаю я, упираясь бедрами в его бедра, чтобы оттолкнуть.

Но это совсем не помогает. Только напоминает о том, что он возбужден. И я невольно думаю о том, что он возбудился из-за меня.

Некоторые из моих подруг уже занимались сексом. Лана занялась им с Дэвидом в спортивном зале во время танцев по случаю окончания восьмого класса. Потом она рассказывала, что у него такой большой член, что она всю неделю ходила как-то странно. Мне было трудно ей поверить, но я промолчала.

А теперь мне любопытно. Похоже, у этого парня тоже большой член, хотя мне не с чем сравнивать. Мне хочется увидеть его.

Прикоснуться к нему.

— Отпусти меня, — произношу я сквозь стиснутые зубы, слегка вырываясь.

Думаю, ему это нравится. Мне вроде как тоже. Нравится его сила. Нравится, что я слишком слабая, чтобы вырваться. Что это говорит обо мне? Я ненормальная. Чокнутая. Странная.

Во мне всегда было то, что я называю тьмой. Но я никогда не встречала того, кто вел бы себя так, будто в нем она тоже есть.

Парень наклоняется ближе, его губы оказываются в считанных сантиметрах от моих, и я ощущаю его дыхание. Теплое и с едва уловимым запахом пива.

— Заставь меня.

Повинуясь инстинкту, я размыкаю губы, собираюсь закричать, и он это понимает.

А потому целует меня.

Так грубо и так внезапно, что я замираю. Его губы неумело прижимаются к моим, хотя я тоже не могу похвастаться опытом. Но я знаю, что может быть лучше. Нежнее.

Я обхватываю его нижнюю губу своими и слегка тяну. Он замедляет темп. Расслабляется. Поцелуй становится ленивым. Парень удивляет меня, высунив язык. Я приоткрываю рот, и он касается моего.

Мой первый взрослый поцелуй случился с мальчиком, который назвал мою мать шлюхой. Который сказал, что я тоже могу стать его шлюхой. Я должна оттолкнуть его. Откусить ему язык. Ударить коленом по яйцам.

Но я этого не делаю. Напротив, позволяю ему целовать меня, и, боже правый, мне это нравится. Тепло мчится по венам, согревая меня изнутри, и я прижимаюсь ближе к нему. Он опускает руки мне на талию. Я сминаю руками его рубашку. Его возбужденный член подрагивает, и тайное местечко, которое я недавно обнаружила, начинает покалывать.

Вот чего от меня хочет Йейтс. Мерзкий извращенец. Я никогда ему этого не дам, потому что мы семья, и это отвратительно.

Но чем дольше этот таинственный парень меня целует, тем охотнее я готова дать ему все, что он пожелает.

Мы целуемся так долго, что непонятно, как вообще умудряемся дышать. Наконец, *наконец-то*, он первым разрывает поцелуй, и я, открыв глаза, смотрю на его приоткрытые распухшие губы. Медленно поднимаю взгляд и вижу, что он наблюдает за мной.

Парень тянется к краю моей юбки и пробирается под нее пальцами, чтобы коснуться внутренней стороны бедра, и я прикусываю нижнюю губу.

— Ты уже мокрая?

— О чем ты? — Я знаю, о чем, но он такой чертовски юный. Как и я. Мы оба знаем, что такое секс. Нам доступно любое порно в Интернете, но все же.

Парень говорит со мной как взрослый. Знакомые мне мальчишки даже к груди боятся прикоснуться, а этот сунул руку мне прямо между ног.

— А то ты не знаешь. — В его голосе слышится отвращение, и я собираюсь ответить ему, возразить. Оскорбить его в ответ.

Но он снова целует меня, заставляя забыть обо всем. Этот поцелуй выходит лучше предыдущего. Наверное, я хорошо его научила. Поцелуй медленный и нежный, а от прикосновения его языка к моему внутри меня пробуждается желание. Парень тщательно изучает мой рот, пробует меня, и я позволяю ему. Я тоже его изучаю. Мы размыкаем губы, дразним, ласкаем друг друга языками, и все мое тело покалывает

от предвкушения. И вот я прикасаюсь к нему, прижимаю руку к передней стороне его брюк, и он толкается навстречу моей ладони, позволяя почувствовать, как сильно он возбужден.

У меня пульсирует между ног, и мне хочется потрогать себя.

Нет.

Я хочу, чтобы он меня потрогал.

— Я тебя даже не знаю, — шепчу я ему в губы.

Он отстраняется со зловещей улыбкой.

— Лгунья.

— Не знаю. — Я в замешательстве. Почему он думает, что я вру?

— Ты у меня дома. Мой отец — один из богатейших людей во всем гребаном мире. «О, я тебя даже не знаю». — Он дразнит меня притворно пронзительным голосом. Звучит нелепо.

Меня переполняет злость. Он смеется надо мной после того, что сейчас произошло? Мне плевать, как хорошо он научился целоваться, все равно он мудака.

— Отстань от меня. — Я отталкиваю его, и на этот раз он отшатывается назад и отпускает меня.

Я отступаю, чуть не споткнувшись о брошенный бокал из-под шампанского. Должно быть, я выронила его, пока пыталась вырваться.

Даже не помню, как это случилось.

Парень кричит мне вслед, но я не обращаю внимания и что есть мочи мчусь прочь на дрожащих ногах. Я выбегаю обратно на террасу и ищу маму. Отчима, который мне как отец. Но их обоих нигде не видно.

Я слышу того парня. Слышу, как он зовет меня по имени, хотя никогда ему не представлялась. В панике озираюсь по сторонам, боясь, что он схватит меня, и напрягаюсь, когда чувствую, как чья-то рука сжимает мое плечо, но...

Оборачиваюсь и вижу, что это мама.

— Саммер! Ты чего? Ты будто окаменела.

Меня переполняет облегчение. Она здесь, а не трахается с другим мужчиной в одной из закрытых комнат. Она со мной. На вечеринке.

— Мама. — Я бросаюсь к ней и обнимаю за талию, а она смеется от удивления.

Мы без конца ссоримся с тех пор, как я закончила восьмой класс. Все мои друзья собираются поступить в частную среднюю школу* «Ланкастер», и я тоже хочу туда попасть. Отчаянно хочу.

Джонас против. Он желает, чтобы я пошла в среднюю школу Святого Антония, как и он в свое время. В городе. Это хорошая школа, но там мне будет одиноко. Мои друзья будут веселиться в школе-интернате, а я застряну здесь.

Одна. С Йейтсом, который пойдет в одиннадцатый класс. Родители постоянно путешествуют вместе, оставляя нас одних, и от Йейтса не будет никакого спасения. Он станет изводить меня, пока я не сдамся.

— Милая, что случилось? Ты вся дрожишь. — Мама успокаивающе гладит меня по спине, а я боюсь, что она делает это в последний раз. Пускай поверит мне, такой милой и невинной. Кажется, будто этим вечером я лишилась частички себя, и этот мальчик завладел ею своими губами, языком и руками.

Я пытаюсь засмеяться и отстраниться, отчаянно желая обратить все в шутку.

— Все нормально. Правда. Просто подумала, что потеряла тебя.

— И щеки у тебя покраснелись. — Мама хмурится и обхватывает мое лицо ладонями. — Ты ведь не пила?

Я изо всех сил стараюсь придать себе невинный вид.

— Нет, мам. Господи. Конечно же нет.

* Частная средняя школа — как правило, элитная школа с избирательными критериями приема, специальными учебными программами и форматом обучения. — *Прим. пер.*